

После продолжительных поисков Цзо Шаоцин в конце концов обнаружил нож, оставленный плотником, а также жаровню и серебряный обугливатель, заботливо приготовленные Ло Сяолиу.

Осторожно переложив раненого на кровать, Цзо Шаоцин укрыл его одеялом и зажег угольную жаровню. Потом он поспешил к двери, собираясь обыскать окрестности в поисках Пурпурно-Жемчужной травы, чтобы остановить кровотечение.

Имея все необходимые припасы на месте, Цзо Шаоцин воспользовался чайником, чтобы набрать воды. Это был продуманный жест со стороны Ло Сяолиу, знающего любовь Цзо Шаоцина к чаю. Он специально приготовил для него чайник.

Нагрев нож на огне, Цзо Шаоцин глубоко вздохнул, прежде чем осторожно приподнять одеяло.

“Брат, это моя первая попытка спасти чью-то жизнь. Если я случайно совершу ошибку, пожалуйста, не держи на меня зла!” С этими словами он точно определил акупунктурную точку мужчины.

Ощущение острого лезвия, проникающего в плоть, заставило руки Цзо Шаоцина задрожать. Его взгляд стал отстраненным, это чувство было слишком знакомым; но в своей предыдущей жизни он орудовал лезвием, обрывая жизни множества людей.

Цзо Шаоцин прикусил губу. Боль послужила напоминанием о предстоящей задаче. Он осторожно надрезал ткани, окружающие раны, и извлек по очереди две стрелы. Потом он приложил измельченные травы к ране.

Быстрый взгляд вокруг показал, что он забыл приготовить полоски ткани, для того, чтобы перебинтовать раны. Он неохотно снял нижнее белье с раненого, разрезал его ножом на полоски и использовал их для перевязки.

После выполнения этих задач, Цзо Шаоцин почувствовал, как по его спине пробежали мурашки. Удивительно, но этой зимней ночью он вспотел.

Он посвятил четверть часа осмотру двух ран. Убедившись, что кровотечение прекратилось, он, наконец, вздохнул с облегчением. Честно говоря, у него не было никакого опыта в уходе за пациентами.

Цзо Шаоцин вылил горячую воду из чайника на оставшуюся тряпку и небрежно вытер ею руки. Его взгляд оставался прикованным к полуобнаженному мужчине, лежащему в кровати, и его беспокойство усилилось.

Учитывая серьезность травм мужчины, он ни за что не смог бы встать с постели в течение следующих десяти дней. Кроме того, Цзо Шаоцин только что обнаружил наличие значительных внутренних повреждений.

Мог ли он просто бросить его на горе? Означало бы это, что все его усилия спасти раненого были напрасны?

Цзо Шаоцин сжал кулак и с разочарованием подумал: “Я никогда не ожидал, что мне, Цзо Шаоцину, придется совершить доброе дело, прежде чем продолжить злые. Похоже, что даже судьба не одобряет мои прошлые действия. Наверное, это начало расплаты за те множество жизней, которые я отнял.”

Цзо Шаоцин повернулся и вышел из хижины. Он спустился с горы, используя Цингун, а затем взобрался на заднюю стену академии. На кухне он умело достал из кастрюли две холодные паровые булочки, приготовленные на пару, прежде чем вернуться на гору.

Положив две паровые булочки рядом с подушкой мужчины, Цзо Шаоцин наклонился, чтобы поднять кошель, который выпал, когда он снимал одежду с незнакомца. Он обратился к человеку на кровати: "Что бы ни было внутри, теперь это мое. Считай, что это оплата твоих медицинских расходов".

"Поскольку ты молчишь, я предполагаю, что ты согласен". Цзо Шаоцин осмотрел тонко расшитую сумочку, весело цокнув языком. "Если бы молодая госпожа Цзо увидела это мастерство, она, возможно, не была бы такой надменной, думая, что ему нет равных в мире. Она, как лягушка в колодеце".

Ослабив шнурок на сумочке, Цзо Шаоцин высыпал содержимое кошелька на стол и начал тщательно осматривать его.

Серебра ... Нет!

Серебряные банкноты... Нет!

Даже нефритовые подвески, которые обычно носят представители богатых семей не было!

Цзо Шаоцин почувствовал легкое разочарование. Его текущее финансовое положение было ужасным, а уход из семьи Цзо оставил бы его без средств к существованию.

Возможно, разумнее действовать шаг за шагом. Цзо Шаоцин небрежно подобрал ничем не примечательные предметы, разбросанные по столу.

Среди них была деревянная табличка, угольно-черная на вид, со странным, но смутно знакомым рисунком. После тщетного изучения Цзо Шаоцин отбросил ее.

Он заметил прозрачную жемчужину, внутри которой вспыхнул малиновый налет, когда мальчик поднес ее к масляной лампе. Осознав ее редкость, Цзо Шаоцин убрал ее в свою сумку.

На листе бумаги было написано слово "Чанпин", достаточно грубым почерком, чтобы сделать его неузнаваемым для любого, кто не знаком с этими двумя иероглифами. Как бы Цзо Шаоцин ни разглядывал его, он не мог понять его значения, поэтому бросил листок в жаровню.

Цзо Шаоцин долго рассматривал последний предмет, но не смог определить его назначение. Он напоминал ключ, но его ценность не казалась значительной. Он отбросил его в сторону вместе с деревянной табличкой.

"Похоже, личность этого человека сложнее, чем простое богатство", - размышлял Цзо Шаоцин. Если бы в кошельке были серебряные монеты, он был бы ничем не примечателен, но внутри не было ни одной медной монеты. Это указывало на то, что раненый не привык носить с собой деньги.

"Учитывая, что эти предметы хранились в таком изысканном кошеле, они должны иметь какое-то значение. Я пока соберу их и подумаю об их назначении позже", - решил Цзо Шаоцин, бодро засовывая все в карман.

С приближением рассвета Цзо Шаоцин решил больше не задерживаться. Он бросил последний

взгляд на мужчину, который оставался без сознания, прежде чем направиться к особняку Цзо.

Цзо Шаоцин спокойно вернулся на свой маленький дворик. К тому времени, когда няня Лю очнулась ото сна, Цзо Шаоцин уже отключил вызывающую сон точку акупунктуры Ло Сяолиу и погрузился в свои собственные сны.

В этот раз он проспал все утро, но его отдых был прерывистым. Его сны были наполнены фрагментами из его прошлой жизни, нарушавшими его душевное равновесие.

“Ах ...” Цзо Шаоцин резко сел в кровати, схватившись за грудь и пытаясь отдышаться. Он даже не попытался вытереть холодный пот, выступивший у него на лбу.

“Этот узор...” Цзо Шаоцин воскликнул. Сбросив одеяло, он встал с кровати, дважды прошелся по комнате, а затем прыгнул обратно на матрас, доставая из-под подушки богато украшенный мешочек. Он нетерпеливо высыпал его содержимое на деревянную доску.

Цзо Шаоцин в замешательстве уставился на символ, похожий на орла. Под ним была плотная сфера пламени, напоминающая сцену из его снов. Он ошеломленно пробормотал себе под нос: “Могло ли это быть ...? Верно... Мог ли этот человек быть ...? Этого не может быть, не так ли?”

Он вспомнил, про человека, который пришел сделать предложение семье Цзо, в прошлой жизни. До этого момента, было ещё много времени. Так совпало, что Цзо Шаоцин тогда учатвовал в государственных экзаменах. Он вернулся из Чанпина и услышал поразительную новость.

“Могло ли быть так, что он узнал о клане Цзо, когда выздоравливал в городе Юси в своей прошлой жизни, что побудило его принять решение жениться на семье Цзо?” Цзо Шаоцин размышлял вслух. Казалось, это единственное объяснение. Как же еще достойный гогун Лу Чжэнь узнал о семье Цзо, которая жила в каком-то провинциальном городе?

Что ему теперь делать? Прошлой ночью он несколько раз пнул мужчину, обобрал его, и сжег его послание. Не особо думая о последствиях, он даже извлек застрявшие в нем наконечники стрел.

Более того, Цзо Шаоцин знал, что даже если бы он не спас его, другие пришли бы ему на помощь. Следовательно, этот так называемый долг благодарности за спасение его жизни был, по сути, незначительным.

В результате кошелек теперь казался неприятно горячим в его руках, и он поймал себя на том, что страстно желает вернуть его в объятия Лу Чжэна.

<http://bllate.org/book/13556/1203224>